

в данное время. Какого рода сетевое общество перед нами? Каковы различные формы проникновения сетевой логики в разные сферы социальной, экономической и политической организации? Эти вопросы становятся крайне важными для понимания новых реальностей, возникающих где-либо на рубеже веков. Сетевое общество – это не модель успеха современности; подчеркивает Кастельс, скорее это крайне общая характеристика возникающей социальной структуры. В свое время таковым было индустриальное общество [1, с. 588].

Поскольку темпы установления информационного общества в различных странах различны, а формы взаимодействия с ранее существовавшими социальными структурами разнообразны, анализ возможных состояний, подобный тому, который сделал Мигель Кастельс, может служить ключом к пониманию как стабильности, так и кризиса в современном процессе социальных изменений.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.
3. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века: Тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36–48
4. *Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики* / Под ред. Д.С.Львова. М.: Дрофа, 1999. 456 с.
5. *Materials for an Exploratory Theory of Network Society* // *The British Journal of Sociology*. 2000. № 51. P. 5–14

НАУЧНОЕ И АНТИНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ: СТАТУС В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В. С. Кулик

Положение современной науки радикально отлично от предшествующих эпох, когда наука рассматривалась лишь как процесс получения нового знания. Начиная с 20 века, феномен науки рассматривается в более широком социальном контексте, наука становится социальной силой техногенной цивилизации. Это вполне оправдывает тот факт, что проблематизация научного дискурса и изменение форм методологической рефлексии в современной культуре актуализирует исследование статуса науки в ее отношении к другим формам знания.

В конце 20 века представления об идеале научности претерпевают наиболее существенные изменения. Осуществляется переход от веками

утвердившихся классических представлений к новому, еще формирующемуся идеалу. В результате глубоких объективных процессов перехода к новому типу рациональности, который наметился в современности, возникают общие условия для распространения антинаучных форм знания.

Взаимодействие науки с другими формами знания имеет различный характер. Можно выделить два основных механизма такого взаимодействия. Суть первого механизма состоит в том, что некоторые формы вненаучного знания, такие как художественное познание, эстетическое освоение действительности, обыденное познание, религиозное знание, взаимодействуя с наукой, не претендуют на место научного знания. Такие формы знания сохраняют свои самобытные методы и предметы познания. Второй механизм основан на том, что определенные формы познания, взаимодействуя с собственно научным познанием, радикальным образом критикуют науку и претендуют на занимаемое ею место в культуре. Зачастую ими отрицаются научные способы освоения мира и предлагаются альтернативные модели миропонимания и описания действительности, которые не входят в сферу компетенции науки [5, с. 15–16].

Таким образом, в структуре вненаучного знания можно выделить: знание, которое существует наряду с наукой, взаимодействует с ней, но не претендует на научный статус (обыденное знание, религиозно-мифологическое, художественное знание, философское знание) и, собственно, антинаучное знание, которое не просто сосуществует с наукой, но, выступая против нее, явно претендует на научный статус. Понятие антинауки фиксируются посредством множества терминов: девиантная наука, паранаука, псевдонаука, квазинаука, лженаука и др.

В современной отечественной философии науки тема антинаучного знания получила активное обсуждение [2, с. 7–18; 3, с. 25–34; 4, с. 51–55; 5, с. 15–21]. Антинаучное знание рассматривается как достаточно сложный феномен, в его структуре преимущественно выделяют два блока.

Первый блок антинаучных концепций составляют различные эзотерические, мистические учения и практики, которые зачастую пытаются истолковать в качестве своего рода научных знаний и описать в наукоподобных терминах. Такого рода антинаучные концепции рождаются как результат переноса представлений из соседствующего с наукой обыденного знания, магии и религиозного опыта в сферу науки и, своеобразным образом, маскируется под науку.

Второй блок антинаучных концепций представляет собой совокупность таких антинаучных форм знания, истоки которых коренятся внут-

ри самой науки и активизируются в силу определенных причин. Зачастую многие ученые, увлеченные той или иной идеей, претендуют на радикальное изменение научной картины мира, не имея на то достаточных оснований. В этих случаях ученые начинают апеллировать к власти, обращаться через СМИ к общественному мнению, в поисках поддержки своих идей [5, с. 16–18].

Существует ряд причин, по которым антинаучное знание устойчиво функционирует, а в особые исторические периоды и активизируется в обществе. Среди таких причин можно выделить, по крайней мере, три группы основных причин: социально-культурные, гносеологические и психологические причины.

Под социально-культурными причинами понимается в первую очередь, общий кризис техногенной цивилизации, поиск новых путей развития общества, новых ценностей культуры. В разных областях культуры, в том числе и науке, осуществляется поиск новых мировоззренческих образов, которые могли бы стать базовыми для иного типа цивилизационного развития, призванного найти выход из современных глобальных проблем [5, с. 19–20].

Гносеологические причины связаны с состоянием самой науки, с запаздыванием процессов интеграции все более дифференцирующегося научного знания. Современная наука такова, что процессы ее дифференциации явно опережают процессы интеграции в науке. Это побуждает к антинаучным, эзотерическим идеям, которые способны проникать в науку и конкурировать с ней [1, с. 115–118].

К психологическим причинам укоренения антинаучного знания в современной культуре можно отнести особенности менталитета, сформировавшегося в эпоху постиндустриального развития общества, а также особенности психологии человека. Психологические причины состоят в том, что признание тех или иных паранормальных феноменов образует компенсаторный психологический механизм, позволяющий «усредненному человеку иметь разрядку от давления будничных проблем» [1, с. 119].

Оценка последствий укоренения антинауки в культуре, пожалуй, не может носить однозначный характер.

К позитивным моментам укоренения вненаучных и антинаучных форм знания в культуре относят тот факт, что взаимодействие науки с другими формами знания существенно обогащает понятийный и концептуальный фонд научного поиска, иногда способствует появлению новых областей знания [2, с. 16–19].

К негативным следствиям укоренения антинаучного знания можно отнести такой момент, что не всегда в основе альтернативных наук лежат интересные течения, довольно часто можно встретить и произвольные выдумки отдельных ученых [6, с. 36–37].

Если говорить об опасности, которую несет в себе феномен антинауки, то можно вспомнить Дж. Холтона, который говорит об этом следующим образом: «В лице феномена антинауки мы имеем дело с важным общекультурным вызовом, к которому следует отнестись со всей серьезностью» [6, с. 38].

На мой взгляд, опасность таит в себе не столько антинаука сама по себе, (здесь следует помнить, что понятие «антинаука» является в значительной мере условным, так как объединяет в один конгломерат принципиально разные явления), сколько неумение обращаться в определенных условиях (политических, идеологических, в условиях разрозненности научного сообщества) с этим достаточно мощным социокультурным явлением.

В зрелой и развитой культурной среде должны установиться определенные отношения к любым видам знания. Эти отношения не должны позволить науке вытеснить все многообразие форм вненаучного знания, но они также не должны дать возможность использовать весь массив антинаучного знания для различного рода политических, идеологических манипуляций или авантюрных притязаний отдельных авторов.

Поэтому следует особым образом обратить внимание на то, что дифференциация антинаучного знания и разоблачение каждого из его видов являются, безусловно, важными условиями нормального функционирования науки и общества в целом, но недостаточными. Необходимо тщательно разработанная образовательная система, ориентированная на науку, в которой будут подчеркиваться ценности самой науки. Ценность науки на данном этапе может быть обнаружена при правильном рассмотрении и адекватном определении критериев научного знания, выделении в них инвариантного содержания, соответствие которому может быть рассмотрено как механизм, регулирующий грань между научным и антинаучным знанием.

Литература

1. *Баженов Л. Б.* Анализ антисциентистских тенденций в общественном сознании // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 1999. 297 с.
2. *Касавин И. Т.* К понятию предельного опыта // Научные и вненаучные формы мышления. М.: ИФРАН, 1996. 335 с.
3. *Лекторский В. А.* Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум

- и экзистенция. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. Ин-та, 1999. 401 с.
4. *Пружинин Б. И.* Астрология: наука, псевдонаука, идеология // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 51–55.
 5. *Степин В.С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 15–21.
 6. *Холтон Дж.* Что такое – «антинаука» // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 34–38.

«МЫСЛИМОЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК «КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИНЦИП» НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ Г. БАШЛЯРА

И. Я. Мацевич

В категории пространства на протяжении всей истории философской мысли концентрируется множество смыслов, каждый из которых выступает понятийным каркасом образа бытия природы и социума в культуре любой исторической эпохи. Изучение этого понятия, способ включения его в систему других категорий мышления определяет в целом характер осознания человеком мира и себя в нем. Исследование феномена пространства является необходимым условием развития не только онтологического, но и гносеологического проектов, так как восприятие событий через призму пространственных характеристик является основой их рационального познания. Всякое описание познания с позиции возникновения и развития знания возможно лишь исходя из статистических и динамических характеристик познавательного процесса. Это требует, в свою очередь, исследования специфики пространственно-временных измерений его объектов с позиций научного сообщества и познающего индивида.

Понятие пространства помогает не только выявить импликации познавательных процессов объективной действительности (фиксируемых в формулировках законов физических явлений), но и открывает простор для анализа и понимания самой природы познания, его генезиса и трансформации, выявляет специфику научного мышления.

Импульсом и основанием данного исследования послужила концепция историографии науки Г. Башляра. Отбросив позитивный эмпиризм как основание теории науки, Г. Башляр рассматривает историю гносеологии в свете актуальной познавательной работы, решающей сквозные (кумулятивные) проблемы и задачи; тем самым, выстраивая историографическую программу как следствие философских эпистемологических установок.